

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.10>

Кутищев Александр Васильевич

[Укрепленные фортификационные линии в военной стратегии XVII-XVIII вв.](#)

Цель исследования - определить роль и значение укрепленных фортификационных линий в войнах XVII-XVIII вв. Научная новизна статьи заключается в анализе военно-инженерного опыта как специфической грани общечеловеческой культуры, в нём выделены общеевропейские и самобытные, заимствованные и традиционные составляющие. На исторических примерах показаны сильные и слабые стороны применения укрепленных линий в войнах России, Франции, Голландии и других государств данной эпохи. В результате автор приходит к выводу, что русская полевая фортификация рассматриваемой эпохи представляет собой симбиоз общекультурной универсальности с её непреложной гармонией и внутренней противоречивостью и отечественной самобытности, черпающей силы в обычаях и традициях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/7/10.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 53-58. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Всеобщая история

General History

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.10>

Дата поступления рукописи: 01.06.2020

Цель исследования – определить роль и значение укрепленных фортификационных линий в войнах XVII-XVIII вв. **Научная новизна** статьи заключается в анализе военно-инженерного опыта как специфической грани общечеловеческой культуры, в нём выделены общеевропейские и самобытные, заимствованные и традиционные составляющие. На исторических примерах показаны сильные и слабые стороны применения укрепленных линий в войнах России, Франции, Голландии и других государств данной эпохи. **В результате** автор приходит к выводу, что русская полевая фортификация рассматриваемой эпохи представляет собой симбиоз общекультурной универсальности с её непреложной гармонией и внутренней противоречивостью и отечественной самобытностью, черпающей силы в обычаях и традициях.

Ключевые слова и фразы: военное искусство XVII-XVIII вв.; полевая фортификация; укрепленные линии; «большая черта»; засеки.

Кутищев Александр Васильевич, к. ист. н., доц.

Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург

kutishhev@yandex.ru

Укрепленные фортификационные линии в военной стратегии XVII-XVIII вв.

Актуальность статьи заключается в развитии темы культурно-нравственной идентичности и самоидентификации российского общества. Интерес к осмыслению нашей культурно-исторической сущности вновь обострился в XXI веке, в эпоху возрождения государственного суверенитета России и повышения напряженности отношений с соседними странами. Эти события сопровождаются организованной работой по компрометации наших культурно-цивилизационных основ, подрыву духовно-нравственных ценностей, фальсификации нашей истории. Реагируя на запросы времени, наука переосмысливает исторический процесс как мультикультурный синтез во всей его многоцветности и многогранности. Одной из традиционных сфер культуры человеческого общества является военное дело и его отдельная отрасль – военная фортификация, критический взгляд на которую представлен в данной статье.

Исходя из поставленной цели, в статье решаются следующие **задачи**: исследовать и сравнить тактико-технические показатели отечественной и западноевропейской военной фортификации на рубеже XVII-XVIII вв.; провести компаративный анализ военной фортификации в общекультурном контексте исторического развития России и Западной Европы; выявить в отечественном военно-инженерном опыте уникальные и общеевропейские тенденции, самобытные и заимствованные элементы.

Исследование проведено в рамках культурно-цивилизационного подхода к объяснению истории. Основными **методами исследования** являются компаративный анализ, сопоставление, систематизация и классификация.

Теоретической базой является военная корреспонденция таких европейских монархов, как Людовик XIV и Петр Великий [9; 29], воспоминания и переписка военачальников и государственных деятелей эпохи [29; 30], многотомные описания войны за испанское наследство [20-23; 29], а также труды по военной истории российских, советских и иностранных историков [1; 4; 5; 8; 10; 11; 18; 25]. Сведения по развитию полевой фортификации эпохи взяты из работ по истории военно-инженерного дела [2; 3; 6-8; 16; 19; 25].

Практическая значимость статьи заключается в широком использовании как в культурно-историческом дискурсе, так и в учебно-педагогическом процессе выводов о самобытном уникальном характере, сильных и слабых сторонах российского военно-инженерного дела рассматриваемой эпохи и об объективной роли западноевропейского опыта в развитии отечественного военного дела.

Укрепленные приграничные линии известны человечеству ещё со времен Древнего Рима. В Средние века европейцы эпизодически прибегали к военному опыту древних, но только в XVII веке надёжное прикрытие границ и территорий приобрело стратегическое значение. Наряду с массированием огнестрельного оружия, строительством

регулярных армий, качественным скачком всех отраслей военного дела, они стали одной из характерных черт военного искусства рассматриваемой эпохи. Между тем отношение к ним в военной истории сложилось неоднозначное. В отличие, например, от крепостной фортификации, которая, бесспорно, признана «совершенным переворотом в инженерном деле» [10, с. 134], полевые укрепленные линии больше вызвали критическое восприятие. Дело в том, что этот вид полевой фортификации стал своеобразной визитной карточкой военного искусства той эпохи. И в этом отношении линии аккумулировали в себе его самые одиозные черты – нерешительный выжидательный характер военных кампаний, медлительность и неповоротливость массовых армий, излишний методизм и пассивность боевых действий [1, с. 106-107, 111; 10, с. 134; 11, с. 493, 551-563].

Инициаторами возведения линий являлись голландцы, которые в 1605-1606 гг. огородили свои границы по р. Изель и Вааль чередой редутов, пытаясь таким образом обезопасить свою территорию от проникновения противника [28, р. 39]. В 40-х годах XVII века, следуя их примеру, французы прикрыли свои рубежи по р. Маас. Вскоре фортификационное новшество вызвало всеобщее признание. Среди военных обнаружилась настоящая «страсть к прикрытию целых областей, обширных пространств края или государственных границ укрепленными линиями» [1, с. 106]. Рубежи линий пролегали вдоль естественных препятствий, как правило, рек, каналов, болот или болотистых участков местности, лесных или горных массивов. Территории между реками Лис, Шельда, Самбра и Маас были защищены непрерывными заграждениями, которые были включены в систему крепостей и укрепленных городов. Неприкрытые участки перегораживались рвами, земляным валом с палисадом, выдвинутыми в сторону противника реданами и люнетами. Мосты или наиболее важные участки охранялись редутами с гарнизоном и артиллерией. Линии все активнее применяются в войнах 2-й половины XVII века. В 1678 г. будущий маршал Франции и талантливый военный инженер Вобан возглавил строительство линии Ипр-Коммине, прикрывавшей французские границы от моря до предгорий Вогезов [17].

Звёздным часом линий считается война за испанское наследство (1701-1714 гг.). Из высказывания одного из стратегов этой войны, генерала Ж.-Ф. Пюйсежюра, можно представить значение, которое придавалось контролю над территориями: «Если противник укрепится на вышеуказанных позициях, его успех ограничится, пожалуй, лишь сбором фуража для кавалерии, но если армия Его Величества займёт позицию между Сен-Дона и Эклюзом, она, во-первых, надёжно прикроет свои и испанские владения и, во-вторых, будет в состоянии беспрепятственно собирать контрибуции со всей голландской Фландрии» [Цит. по: 29, р. 500]. Особенно активно прибегали к линиям французы, придерживавшиеся в целом оборонительной тактики. В 1700-1701 гг. ими была возведена грандиозная 130-мильная линия от Антверпена до Намюра, названная Брабантской. После поражений 1705-1706 гг. франко-испанские войска вынуждены были оставить её и отступить на рубеж новой линии Ипр-Комминэ-Лилль. Но и здесь они долго не удержались и после падения Лилля в 1708 году отошли вглубь французской Фландрии. Новый рубеж получил название линия Комбрин. Необходимо отметить, что взгляд на оперативное применение укрепленных линий со временем менялся. Если во второй половине XVII века линии лишь охраняли территорию от набегов и рейдов партизанских партий, то в ходе войны за испанское наследство они стали рассматриваться как опорные рубежи для войсковых операций и отражения наступления главных сил противника [26, р. 526].

Этим, пожалуй, стоит ограничить специальную проблематику темы. Для нас не так важен военно-специальный аспект, как его проекция на широкий культурно-цивилизационный срез истории. Хотелось бы оценить фортификационные линии как отражение военной теории. Не будет преувеличением утверждать, что укрепленные линии являлись атрибутивным, хотя и специфическим, фактором культурного кода европейской цивилизации на её важном историческом этапе. И в этой связи любопытно сравнить с ним аналогичные формы военной культуры России, выявить их общее и особенное, проанализировать природу исторического процесса и культурной самобытности в целом.

В связи с этим интересны два взгляда на укрепленные линии данной эпохи. Первый – сугубо военнотехнический, ограничивающийся значением линий в военной истории России и Западной Европы. Второй – наиболее важный, культурно-исторический, анализирующий их в контексте глобальной истории цивилизации.

Линии Запада рассматриваются как производные от военного прогресса, революции в военном деле XVI-XVII вв. Отечественное военное дело допетровской эпохи целиком полагалось на свой уникальный опыт, на обычаи и традиции. Оборонительные линии на российских рубежах в большей степени появились не под воздействием каких-либо прогрессивных веяний, а из соображений здравого смысла, продиктованного элементарным инстинктом выживания.

Необходимо отметить, что на Руси сторожевые линии и засечные «черты» были известны задолго до рассматриваемого периода. В XVI веке отдельные очаги заграждений против набегов крымских татар и ногайцев объединяются в единый оборонительный комплекс. «Сомкнувшаяся в 60-х годах XVI века “Засечная черта”, сраставшаяся десятилетиями, если не веками, собралась из укреплений, существовавших и раньше, но теперь приведённых в связную и сплошную систему...» [16, с. 20].

По протяжённости и по иным техническим показателям русские засечные черты несопоставимы с французскими или немецкими укрепленными линиями (см. Таблицы 1, 2). Так называемая «Большая засечная черта» представляла собой грандиозную по своим масштабам, глубоко эшелонированную систему обороны, состоявшую из городов-крепостей (в 1630 году их насчитывалось более сорока), собственно засечной черты и тыловой линии, проходившей по рубежу р. Оки [Там же, с. 15-22]. Между Тулой и Веневом «черта» состояла из двух, между Белевом и Лихвином – из трёх, а между Белевом и Перемышлем – даже из четырех

последовательно расположенных друг за другом оборонительных рубежей. Европейские линии, как правило, представляли собой тонкую нить фортификационных сооружений, тянувшихся по одному рубежу. Достаточно было овладеть одним звеном, чтоб вынудить противника оставить всю линию.

Но главное различие русских и западноевропейских полевых фортификаций заключается в том, что они занимают несопоставимо различные места в истории своих стран. Западноевропейская полевая фортификация являлась лишь элементом военного искусства определенного, ограниченного по времени этапа. Их роль сводилась к тактическим действиям, оказывавшим, как правило, незначительное влияние на исход военных кампаний и войн. История, например, Брабантской линии сводится к 2-3 активным операциям в 1701-1704 гг. и её окончательному прорыву войсками Мальборо в 1705 году. Послужной список Штольхоффенских линий также включает несколько напряжённых столкновений до того, как они были взяты и срыты Вильяром в 1707 году (см. Таблицу 3). Роль русских линий выходила далеко за рамки не только военной фортификации, но и военной истории в целом. Их нельзя рассматривать не иначе как неотъемлемым событийно-временным атрибутом русской цивилизации. «Черты» и засеки были тесно встроены в государственно-управленческую, хозяйственно-экономическую и даже в социальную сферу Российского государства. «Охрана и поддержание линий были сделаны повинностью всего населения государства» [Там же, с. 20]. Так, история «Большой засечной черты» тесно переплетена с наиболее драматичным периодом борьбы Московского государства с Великой Степью. В XVI-XVII вв. с ней был связан, ни много ни мало, вопрос выживаемости русского народа и существования русской цивилизации.

Открытым остается вопрос, насколько высока была эффективность засек и черт. Однозначного ответа на этот вопрос исследователи не дают. Так, например, В. П. Загоровский считал, что Белгородская черта проявила себя как эффективный способ борьбы с крымско-ногайскими набегами и послужила образцом для сооружения оборонительных линий к югу от неё [2, с. 288, 290]. Если ещё в 1630-х годах набеги крымских татар отражались у берегов Оки, то после возведения Белгородской черты район русско-крымских столкновений сместился на сотни километров южнее, открыв огромные плодородные территории для полноценного заселения. Согласно В. П. Загоровскому, Белгородская черта являлась основой будущей победы России в борьбе с Крымским ханством [Там же, с. 289-290]. Исследователь истории Засечной черты XVII века А. И. Яковлев, наоборот, склонялся к мысли об уязвимости московской обороны, базирующейся на засечных линиях [16, с. 283-294]. Того же мнения придерживался А. А. Новосельцев в своём фундаментальном исследовании, посвящённом борьбе Московского государства с татарами в XVII веке [7, с. 416-424]. Основную причину уязвимости черт и линий учёные видят в пассивной тактике русских войск, в их привязанности к статичной оборонительной позиции. Последующие успехи же связываются с ростом военно-политической мощи Российской империи, блестящими военными победами XVIII века и активной русской колонизацией южных и юго-западных регионов России. По мере продвижения русских на юг и юго-запад воздвигались новые линии. В 30-х гг. XVII века приступили к строительству Белгородской линии. В 1653 году её протяжённость достигала 800 км [28, р. 39]. В 1670-1680 гг. её правый фланг был выдвинут ещё дальше в степи и получил отдельное ответвление. В литературе этот участок иногда называют Изюмской линией. Дальнейшее продвижение на восток, юг и юго-запад сопровождалось возведением Симбирской (1648-1654 гг.), Закамской (1683-1656 гг.) и Сызранской (1683-1684 гг.) укрепленных линий. В XVIII веке колонизация охватывала все новые территории на юге, закрепляясь на них новыми линиями – Царицынской, Украинской, Самарской, Оренбургской и др.

Русские линии функционировали десятилетиями. Например, «Большая черта» сохраняла свою боеспособность около века. Позднее, в XVIII веке, с расширением границ Империи военная напряженность на рубежах постепенно спадала. Борьба за выживание цивилизации была выиграна. Ожесточенность схваток слабеяла, и по мере отдаления от великорусских областей линии всё больше приобретали вид правильно организованной приграничной стражи. Но и в XIX в. они не утратили своей актуальности, прикрывая южные и восточные рубежи России.

Таблица 1. Русские укрепленные линии и засечные черты [6; 12-15]

№ п/п	Годы	Линия	Протяжённость (в км)
1	1560-е	Большая засечная черта (Рязань-Тула-Козельск)	Более 1000
2	1630-1640-е	Белгородская	800
3	1648-1654	Симбирская	116
4	1670-1680-е	Изюмская	530
5	1652-1656	Закамская	300
6	1683-1684	Сызранская (Сызрань-Пенза)	250
7	1718-1720	Царицынская	54
8	1731-1733	Украинская	400
9	1736-1739	Оренбургская	430
10	1732-1736	Новая Закамская	320
11	1730-е	Самарская (Самара-Оренбург)	410

Сроки службы европейских линий составляли от одной до нескольких военных кампаний. Как правило, после удачного прорыва противника их оставляли или разрушали (см. Таблицу 3). Дольше всех продержалась

так называемая Этлингенская линия (участок Шварцвальдской линии в районе г. Карлсруэ). Она действовала в годы войны за испанское наследство (1707-1714 гг.), затем была восстановлена в начале войны за польское наследство (1733-1735 гг.) и прорвана французами в 1734 г. В дальнейшем от линий вообще отказались, и уже во второй половине XVIII века они практически не применялись.

Оценки укрепленных линий, применявшихся в войнах Западной Европы, также существенно разнятся. Так, например, о Брабантской линии маршал Буффлер восторженно писал Людовику XIV: «Всё население округа, как, впрочем, и местные власти, видят в линии своё единственное спасение» [Цит. по: 29, р. 66]. Среди горячих сторонников полевых линий был и знаменитый Вобан: «Достаточно занять эти укрепления небольшим гарнизоном, и ни одна партия, сильная или слабая, не посмеет даже попытаться посягнуть на них, для этого понадобится разве что целая армия» [Цит. по: 26, р. 585].

Таблица 2. Укрепленные линии периода войны за испанское наследство (1702-1714 гг.) [18, р. 158; 19, р. 35; 20, S. 417-418; 23, S. 330; 24, р. 180-182; 25, S. 6]

№ п/п	Время существования	Рубеж линии	Протяжённость (в км)	Оперативная цель	Кто возводил
1	1701-1705	Побережье-Антверпен-Намюр (Брабантская)	270	Прикрытие Брабанта	Французы, испанцы
2	1701-1707	Золинген-Штольхоффен-Бюль (Штольхоффенская)	20	Прикрытие немецких земель по правобережью Рейна	Немцы
3	1701-1713	Сакинген-Фельдберг-Добель (Шварцвальдская)	200	Прикрытие центральной Германии	Немцы
4	1701-1713	Нойштадт-Шпейер	25	Прикрытие Пфальца	Немцы
5	1705	Рейн-Агно-Вогезы (по р. Модер)	45	Оборона Верхнего Эльзаса	Французы
6	1705	Рейн-Визембур-Вогезы (по р. Лаутер)	40	Прикрытие Пфальца	Немцы
7	1706-1713	Рейн-Визембур-Вогезы (по р. Лаутер)	40	Оборона Верхнего Эльзаса	Французы
8	1706-1708	Ипр-Комминэ-Лилль-Конде	150	Прикрытие французской Фландрии	Французы
9	1707-1714	Эйяхмюле-Добель-Дахланден-Филиппсбург	70	Прикрытие центральной Германии	Немцы
10	1708-1710	Эр-Бетюн-Мобеж-Намюр (Комбрин)	230	Прикрытие французской Фландрии	Французы
11	1710-1711	Этапль-Аррас-Камбре-Валансьен-Намюр (Ne Plus Ultra)	280	Прикрытие северной Франции	Французы

Его веру в линии не могли пошатнуть даже удачные вылазки противника, успех которых он объяснял «небрежностью или даже преступной халатностью, с которой воинские начальники организуют оборону доверенных участков» [Цит. по: Ibidem]. Людовик XIV вполне разделял мнение своих маршалов, но только когда линии охраняли мирное население от вражеских набегов. Когда же перед линиями встала задача сдерживать главные силы Мальборо и Евгения Савойского, король не скрывал своих сомнений на их счёт: «Я всегда относился к линиям как к дорогостоящему и совершенно бесполезному фактору. От них больше проблем, нежели пользы, так как невозможно обеспечить их прикрытие одновременно на всей протяжённости. Необходимость содержать гарнизоны во всех её точках приводит только к распылению сил, что делает даже превосходящую по численности армию беспомощной перед сосредоточенным ударом противника» [29, р. 32]. Современные исследователи, например, В. М. Овчинников, в целом разделяют позитивную оценку европейской полевой и крепостной фортификации в войнах рассматриваемой эпохи [8].

В ходе Великой северной войны (1700-1721 гг.) русскими войсками широко использовалась полевая фортификация. Что касается укрепленных линий, сходных с европейскими, то они применялись только в 1706-1708 гг. В литературе представлены довольно подробные описания военно-инженерного обеспечения при подготовке к отражению шведского вторжения [9, с. 107-108, 149, 154-156, 296]. Поэтому остановимся лишь на некоторых сравнительных аспектах их оперативного применения. Русские линии 1706-1708 гг. по своему замыслу и предназначению представляли собой некий симбиоз европейской современной тактик и старомосковского опыта XVII века. Так, передовые инженерные идеи нашли применение в укреплениях бастионного типа, рavelинов и флешей «европейского» профиля. С другой стороны, линия Петра I имела иное оперативное предназначение, нежели её европейские прототипы. Она являлась составной частью «скифской» стратегии Петра и должна была не остановить вторжение Карла XII, а лишь затруднить продвижение и всемерно ослабить шведов. Театр военных действий, Литва и Украина, из-за его бескрайних пространств способствовал этому замыслу. Благодаря этому линии оборудовались на большую оперативную глубину. Засеки на дорогах зарубались на «полверсту» вглубь территории [3, с. 245]. Не ограничиваясь заранее подготовленными рубежами, засеки и завалы создавались непосредственно перед марширующими колоннами шведов.

Таблица 3. Попытки прорыва укрепленных линий в ходе войны за испанское наследство [18, p. 286-299; 20, S. 540; 21, S. 304-318, 629; 22, S. 650; 25, S. 24; 27, p. 300; 30, p. 66]

№ п/п	Линия, участок	Год, время	Кто прорывал	Итоги
1	Брабантская линия, район Слюйса	8.05.1702	Голландцы, Кохорн	Овладев фортами линии Сен-Дона и Изабелла, голландцы некоторое время их удерживали, но под натиском французов отступили за линию.
2	Брабантская линия, западнее Антверпена	27.06.1703	Голландцы, Опдам	Прорыв линии небольшими силами, после прибытия подкреплений, голландцы отступили.
3	Штольхоффенская линия	19-25.04.1703	Французы, Виллар, Тальяр	Попытка прорваться не удалась, французы отражены и отступили.
4	Брабантская линия, р-н Мердорп	1.06.1704	Голландцы, Оверкирк	Попытка прорваться отражена франко-испанцами.
5	Брабантская линия	17-18.07.1705	Союзная армия, Мальборо	Линия прорвана с боем, французы отброшены за линию, укрепления скрыты.
6	Вейзенбургская линия	4.07.1705	Французы, Вильяр, Марсень	Линия прорвана с боем, захвачены Вейзенбург и др. ключевые пункты линии, противник отброшен.
7	Модерская линия	1.05.1706	Французы, Вильяр, Марсень	Линия прорвана с боем, захвачены Агно, Друзенхейм и др. ключевые пункты линии, противник отброшен.
8	Штольхоффенская линия	22-23.05.1707	Французы, Вильяр	Линия прорвана с боем, Тальяр проник вглубь Тюрингии и Вестфалии, обложил население контрибуцией, вернулся с богатой добычей.
9	Ипр-Лилль-Конде	1708	Союзная армия, Мальборо, Евгений Савойский	После падения Лилля, центрального пункта линии, французы вынуждены её оставить.
10	Комбрин	1710	Союзная армия, Мальборо, Евгений Савойский	Падение крепостей Эр и Бетюн, центральных пунктов линии, вынудило французов её оставить.
11	Ne Plus Ultra	26.07-6.08.1711	Союзная армия, Мальборо	Линия прорвана в результате умелого маневра, французы вынуждены её оставить.
12	Вейзенбургская линия	12.08.1712	Имперцы, А. Вюртембергский	Попытка обойти фланг линии завершилась неудачей.

Этого нельзя было себе позволить ни во Фландрии, ни в Эльзасе, где глубина линий, как правило, ограничивалась размерами инженерно-фортификационных сооружений – редутов, реданов со рвами и палисадами. Говоря об эффективности, можно подытожить, что линии Петра, в отличие от большинства западноевропейских линий, свою задачу выполнили. Карл XII сумел пробиться со своей физически вымотанной и изнуренной армией только до Смоленска, отказавшись от похода на Москву.

Выводы. Таким образом, полевая фортификация стала важным тактико-стратегическим элементом военного искусства XVI-XVIII вв. Укрепленные фортификационные линии, широко применявшиеся в Западной Европе, в общем отражали прогрессивные тенденции военно-инженерного дела. Являясь элементом концепции «позиционной войны», они активно применялись в войнах на рубеже XVII-XVIII вв. и постепенно вышли из употребления к середине XVIII века. В основе отечественной практики применения сторожевых линий и засечных черт лежали традиции, а также вековой опыт борьбы с кочевыми племенами. Русские черты и засеки стали неотъемлемой частью векового противостояния Руси и Дикого поля и были востребованы вплоть до конца XIX века. По замыслу, масштабам и размаху строительства, глубине обороны, числу рубежей и районов европейские линии значительно уступали отечественным. Если боевая летопись европейских линий ограничивалась несколькими военными кампаниями и малозначительными операциями, то русские черты и засеки на протяжении двух веков являлись ареной непрекращающейся ожесточенной борьбы. В то время как европейские линии оставили след в истории как отдельный элемент военного искусства, синоним вялотекущей и нерешительной военной стратегии, то российская фортификация стала символом борьбы за выживание народа, сохранение культуры и существование цивилизации. История полевой фортификации является специфичным направлением эволюции общечеловеческой культуры. Она занимает свою, определенную нишу в многогранной культурно-цивилизационной картине мира, дополняя её содержание своими специфическими формами и проявлениями. История применения укрепленных линий расширяет дискурс о многовекторности человеческой культуры, в которой универсальные приоритеты часто уступают место национальной самобытности, заимствования сменяются самоизоляцией, а следование общепринятым правилам не исключает роли особенного и своеобразного.

Список источников

1. **Голицын Н. С.** Великие полководцы истории: в 2-х ч. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1873. Ч. II. 173 с.
2. **Загорский В. П.** Белгородская черта. Воронеж: Издательство Воронежского гос. университета, 1969. 291 с.

3. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории военно-инженерного дела в России: в 2-х ч. СПб., 1861. Ч. II. 664 с.
4. Молтусов В. А. Полтавская битва: уроки военной истории 1709-2009. М.: Объединенная редакция МВД РФ; Кучково поле, 2009. 512 с.
5. Мышлаевский А. З. Северная война 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб.: Тип. «Бережливость», 1901. 89 с.
6. Ново-Закамская оборонительная линия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ново-Закамская_оборонительная_линия (дата обращения: 15.04.2020).
7. Новосельцев А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1948. 445 с.
8. Овчинников В. М. Фортификационные сооружения северо-восточной границы Франции в период правления Людовика XIV [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fortifikatsionnye-sooruzheniya-severo-vostochnoy-granitsy-frantsii-v-period-pravleniya-lyudovika-xiv> (дата обращения: 27.05.2020).
9. Письма и бумаги Петра Великого: в 13-ти т. СПб.: Государственная типография, 1900. Т. 4. 552 с.
10. Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1889. 350 с.
11. Разин Е. А. История военного искусства. СПб.: Омега-Полигон, 1994. 763 с.
12. Симбирская черта [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Симбирская_черта (дата обращения: 13.04.2020).
13. Строительство оренбургской оборонительной линии [Электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/677923/istoriya/stroitelstvo_orenburgskoy_oboronitelnoy_linii (дата обращения: 15.04.2020).
14. Украинская линия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Украинская_линия (дата обращения: 14.04.2020).
15. Царицынская сторожевая линия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Царицынская_сторожевая_линия (дата обращения: 13.04.2020).
16. Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII в.: очерки из истории обороны южной окраины Московского государства. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1916. 321 с.
17. Blanchaert H., Bourgeois J. La localisation des lignes françaises du XVII siècle entre Ypres et Comines (Belgique) [Электронный ресурс]. URL: https://www.caim.info/revue-du-nord-2010-5-page-7.htm?try_download=1 (дата обращения: 13.04.2020).
18. Chandler D. Marlborough as military commander. Tunbridge Wells: Spellmount, 1989. 368 p.
19. Duffy. The Fortress in the Age of Vauban and Frederick the Great, 1660-1789. L.: Routledge and Paul Kegan, 1985. 336 p.
20. Feldzuge den Eugen von Savoyen. Feldzuge 1702: in 15 Bd. Wien, 1877. Serie I. Band IV. 1058 S.
21. Feldzuge den Eugen von Savoyen. Feldzuge 1703: in 15 Bd. Wien, 1878. Serie I. Band V. 1145 S.
22. Feldzuge den Eugen von Savoyen. Feldzuge 1704: in 15 Bd. Wien, 1879. Serie I. Band VI. 1257 S.
23. Feldzuge den Eugen von Savoyen. Feldzuge 1705: in 15 Bd. Wien, 1881. Serie I. Band VII. 1137 S.
24. Hussey J. Marlborough. Hero of Blenheim. L.: Weidenfeld and Nicolson, 2004. 255 p.
25. Lang K. Die Ettlinger Linien und ihre Geschichte. Karlsruhe: Druck und Verlag der G. Braunschen Hofbuchdruckerei, 1907. 58 S.
26. Linn J. Giant of the Grand Siecle. The French Army 1610-1715. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 650 p.
27. Linn J. The Wars of Louis XIV, 1667-1714. L. – N. Y.: Longman, 1999. 421 p.
28. Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500-1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 234 p.
29. Pele. Memoire militaires relatifs a la succession d'Espagne sous Louis XIV: en 11 vol. P., 1836. Vol. II. 946 p.
30. Sturgill C. Marshal Villars and the War of the Spanish Succession. Lexington: University of Kentucky Press, 1965. 200 p.

Fortification Lines in Military Strategy of the XVII-XVIII Centuries

Kutishchev Alexander Vasilievich, PhD

Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

kutishhev@yandex.ru

The study aims to determine the role and significance of fortification lines in wars of the XVII-XVIII centuries. Scientific novelty of the paper lies in analysing military and engineering experience as a specific facet of universal culture; common-European and unique, borrowed and traditional components are identified within this experience. Using historical examples, the author demonstrates strengths and weaknesses of employing fortification lines in the wars, in which Russia, France, the Netherlands and other countries of the period engaged. As a result of the study, the researcher comes to the conclusion that the Russian field fortification of the considered period is a symbiosis of general cultural universality with its invariable harmony and contradictory nature and the Russian uniqueness, which draws its strength from customs and traditions.

Key words and phrases: military art of the XVII-XVIII centuries; field fortification; fortification lines; “Great Abatis Line”; abatis.